ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ КОНКУРЕНЦИИ: УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)*

СЕМЫКИНА Ольга Ивановна, старший научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: semykola@yandex.ru

Проводится анализ уголовных и уголовно-процессуальных механизмов ответственности юридических лиц за нарушение правил конкуренции в некоторых постсоветских странах (Азербайджане, Грузии, Кыргызстане, Молдове, Эстонии).

С учетом сравнительно-правового подхода устанавливаются особенности национальных подходов к регламентации уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, применяемых к юридическим лицам, совершившим деяния в сфере конкуренции, противоречащие честным обычаям в промышленных и торговых делах, охватываемые криминальной отраслью законодательства.

На основе новейших тенденций криминализации выявляются модели привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, известные мировой практике. В их числе отмечаются модели идентификационной (на примере Эстонии и Кыргызстана) и расширенной идентификационной (основываясь на законодательных подходах Азербайджана, Грузии, Молдовы) уголовной ответственности юридических лиц.

Аккумулируются выводы о специфике уголовного преследования юридических лиц, совершивших общественно опасные деяния в сфере конкуренции, и возможности использования в стадии уголовного преследования альтернативных механизмов урегулирования уголовно-правовых споров.

Сформулирован вывод о прямой зависимости реализации альтернативных механизмов урегулирования споров от подхода законодателя к юридической сущности института ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: ответственность юридических лиц, уголовное преследование, преступление, субъект преступления, меры уголовно-правового воздействия, урегулирование конфликтов, медиация, конкуренция.

LIABILITY OF LEGAL PERSONS FOR THE VIOLATION OF COMPETITION RULES: CRIMINAL PROSECUTION AND ALTERNATIVE METHODS OF CONFLICT REGULATION (COMPARATIVE EVALUATION)

O. I. SEMYKINA, senior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: semykola@yandex.ru

In the article there is an analysis of criminal and criminal prosecution mechanism of legal persons' liability for the violation of competition rules in some post-Soviet countries (Azerbaijan, Georgia, Kyrgyzstan, Moldova, Estonia).

With a glance to a comparative evaluation there are features of national approaches established to regulate criminal law and criminal procedural measures applicable to legal persons who have committed acts in the field contrary to honest practices in industrial or commercial matters covered by the criminal branch of law.

Based on the latest trends in criminalization, the model of criminal liability of legal persons is identified that is known in the world's practice. Among them there are marked identified model (on the example of Estonia and Kyrgyzstan) and extended identified (based on the legislative approaches of Azerbaijan, Georgia, Moldova) models of corporate criminal liability.

There are accumulated findings about the specifics of criminal prosecution of legal persons who have committed socially dangerous acts in the sphere of competition, and the possibility of using alternative mechanisms for the settlement of criminal law disputes in the stage of criminal prosecution.

The conclusion defined is about direct dependence of realization of alternative dispute resolution mechanisms on the approach of the legislator to the legal entity of the Institute of responsibility of legal persons in criminal law.

Keywords: liability of legal persons, criminal prosecution, crime, subject of crime, criminal law measures, conflict regulation, mediation, competition.

DOI: 10.12737/article_59bbac1b3c63e0.12528660

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ — проект 16-23-08001 «Уголовная и административная ответственность юридических лиц за нарушения правил конкуренции» (Россия — Франция, 2017 г.).

Анализ уголовно-правовых норм близких к России по правовым традициям государств, условно именуемых постсоветскими, приводит к выводу о множественном новеллировании законодательных механизмов противодействия преступлениям, совершаемым от имени либо в интересах юридических лиц, в том числе в сфере конкуренции. Поступательное движение, подталкивающее законодателей к этому переломному для национальных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных традиций шагу, следует отождествлять не только с зависимостью от современных международных антикоррупционных рекомендаций¹, но и, возможно, с историческим значением Нюрнбергского процесса, в свое время закрепившего подходы к определению преступных организаций².

Однако ориентация уголовной политики на противодействие коррупции не означает, что из сферы уголовно-правового реагирования должны «выпадать» акты недобросовестной конкуренции, противоречащие честным обычаям в промышленных и торговых делах, в том числе запрещенные ст. 10bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. Кроме того, как показывает практика, деяния юридических лиц, совершенные путем применения недобросовестных методов конкуренции и наносящие ущерб предпринимательской деятельно-

сти других хозяйствующих субъектов, сопряжены со сложными коррупционными «схемами» злоупотреблений и подкупов. В качестве примера можно привести резонансное уголовное дело о нарушении правил конкуренции при участии в государственных закупках из судебной практики Эстонии. Согласно обвинительному приговору ведущей строительной компании в Эстонии «АС Мерко Эхитус» было назначено наказание в виде штрафа в размере 798 тыс. евро за дачу взятки министру по охране окружающей среды и генеральному директору Земельного совета³. Используя сложную коррупционную схему, компания приобрела 37 земельных участков, находившихся в государственной собственности, общей стоимостью 12 млн евро и намеревалась приобрести еще девять стоимостью 7,2 млн евро. Кроме того, в этом же деле наказание в виде штрафа в размере 127 823 евро было назначено аффилированному лицу компании «АС Мерко Эхитус» за дачу взятки другому министру в целях получения преимущества при участии в государственных закупках для нового офисного здания министерства⁴.

В настоящее время в правовой системе постсоветских государств уже активированы две известные мировой практике модели уголовной ответственности юридических лиц — идентификационная (Эстония, Кыргызстан) и расширенная идентификационная (Азербайджан, Грузия, Молдова)⁵.

При **идентификационной модели** уголовно-процессуальные механизмы ответственности юридических лиц активируются в результате совершения деяния лицом, принадлежащим к высшему руководству юридического лица или обладающим представительскими полномочиями (контролирующим лицом)⁶. В Эстонии ответственность юридических лиц носит наказательный характер и допустима только в случаях, предусмотренных в статьях Особенной части *Уголовного кодекса 2001 г.*⁷ Например, за заключение антиконкурентных соглашений юридические лица подвергаются штрафу в размере 5% от финансового оборота юридического лица (ч. 3 ст. 400), а за

¹ Заложённых, например, в ст. 2, 3 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций от 21 ноября 1997 г., ст. 18 Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., ст. 26 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. О содержательном анализе международных правовых актов, рекомендующих введение института уголовной ответственности юридических лиц, подробнее см.: Федоров А. В. Основные положения международных договоров об уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3. С. 150—165; Сидоренко Э. Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3. С. 188—194; Князев А. Д., Сидоренко Э. Л. Юридическое лицо как субъект преступления в международных стратегиях борьбы с преступностью // Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: сб. матер. Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (г. Москва, 24 октября 2016 г.). М., 2017. С. 122—129.

² См.: Федоров А. В. Влияние международного правосудия на развитие права: значение Нюрнбергского процесса для формирования международно-правового института уголовной ответственности юридических лиц // Российский следователь. 2017. № 4. С. 52—56.

³ Подробнее об уголовном преследовании и осуждении ведущей строительной компании Эстонии «АС Мерко Эхитус» см.: Vaimann T. Korruptsioonijuhumite järelmõju juriidilistele isikutele. Tallinn, 2014. P. 2—3. URL: http://www.korruptsioon.ee/sites/www.korruptsioon.ee/files/elfinder/dokumentid/korruptsioonijuhumite_jarelmõju_juriidilistele_isikutele_0.pdf.

⁴ См.: Ответственность юридических лиц за коррупцию в странах Восточной Европы и Центральной Азии: Отчет ОЭСР, 2015. С. 28—29. URL: <http://www.oecd.org/corruption/acn/ACN-Liability-of-Legal-Persons-2015-RUS.pdf>.

⁵ Там же. С. 44—45.

⁶ Там же. С. 24—25.

⁷ Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/519032015003/consolide>.

заключение таких соглашений при участии в государственных закупках — штрафа от 5 до 10% их финансового оборота (ч. 4 ст. 400).

Регламентируя специфику осуществления уголовного преследования в отношении юридических лиц, *Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии 2003 г.*⁸ предусматривает альтернативную уголовному преследованию процедуру урегулирования конфликта. Так, при наличии условий, предусмотренных ст. 78¹ Закона Эстонии от 5 июня 2001 г. «О конкуренции»⁹, допускается возможность прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере конкуренции. Как определяется в ст. 205¹ УПК, Генеральная прокуратура может прекратить уголовное преследование по ст. 400 УК на основании поданного в антимонопольный орган до начала уголовного преследования ходатайства представителя юридического лица об освобождении от уголовной ответственности.

С 1 января 2019 г.¹⁰ вступают в силу положения *Уголовного кодекса Кыргызской Республики 2017 г.*¹¹ В отличие от действующего *Уголовного кодекса Кыргызской Республики 1997 г.*¹² новый УК в ч. 3 ст. 26 закрепил, что юридическое лицо не является субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания, однако к нему могут применяться принудительные меры уголовно-правового воздействия по основаниям и в пределах, предусмотренных ст. 123—129 гл. 20 УК. Например, за рейдерство, нарушение порядка проведения публичных торгов, аукционов или тендеров к юридическому лицу применяются штраф, ограничение прав, ликвидация, а в качестве дополнительной меры уголовно-правового воздействия — конфискация. В отличие от иных стран новый УК Кыргызстана предусматривает для юридических лиц основание освобождения от применения к ним мер уголовно-правового воздействия в связи с истечением пятилетнего срока давности с момента

совершения преступления или 10-летнего — со дня исполнения обвинительного приговора.

Процессуальные механизмы производства по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу регламентированы в ст. 481—486 гл. 57 *Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики 2017 г.*¹³ (вводится в действие с 1 января 2019 г.). Согласно общим правилам уголовного судопроизводства с особенностями, предусмотренными данной главой УПК Кыргызстана, производство по применению принудительных мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу проводится в рамках досудебного производства на основании вынесенного следователем мотивированного постановления в случаях, когда на этой стадии судопроизводства выясняется, что подозреваемый, действуя индивидуально или как член коллегиальной структуры соответствующего юридического лица, основываясь на праве представлять юридическое лицо, действовать по его поручению либо принимать решения от имени юридического лица или же осуществлять контроль в рамках юридического лица либо будучи на службе юридического лица, совершил преступное деяние в интересах этого юридического лица. Решение о применении мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу принимается судом. Суд отказывает в применении к юридическому лицу мер уголовно-правового воздействия, если не доказаны обстоятельства совершения преступного деяния посредством юридического лица, не установлены статус физического лица в структуре юридического лица и характер противоправного деяния подозреваемого, совершенного в интересах юридического лица, не определены его последствия, сумма и характер причиненного ущерба, размер незаконного дохода юридического лица, полученного в результате противоправных деяний подозреваемого.

По поводу альтернативных способов урегулирования уголовно-правовых конфликтов с юридическим лицом УПК Кыргызстана содержит одно ценное указание: в случае прекращения уголовного дела в отношении подозреваемого (физического лица, совершившего преступление в интересах юридического лица) досудебное производство по применению мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица должно быть завершено и направлено в суд для рассмотрения по существу (ч. 4 ст. 482). В целом можно заключить, что УПК Кыргызстана не содержит специальных оснований альтернативного урегулирования споров именно с юридическими лицами и такие способы урегулирования конфликта распространяются только на лиц физических. Кро-

⁸ Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/531052016002/consolide>.

⁹ Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/519012015013/consolide>.

¹⁰ См. Закон Кыргызской Республики от 24 января 2017 г. № 10 «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики “Об основах амнистии и порядке ее применения”». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37444652.

¹¹ Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru>.

¹² Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568>.

¹³ Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530>.

ме того, в силу корреспондирующих предписаний УК и УПК Кыргызстана о применении к юридическим лицам принудительных мер уголовно-правового воздействия активация альтернативных механизмов (например, уголовно-процессуального соглашения о примирении сторон с помощью медиатора) самим физическим лицом, совершившим преступление в интересах юридического лица, не исключает применение судом к юридическим лицам принудительных мер уголовно-правового воздействия.

Расширенная идентификационная модель включает так называемое правило об отсутствии надзора, когда уголовное преследование юридического лица активируется не только в случае совершения деяния в интересах юридического лица контролирующими лицами юридического лица, но и в случае совершения деяния иными сотрудниками вследствие отсутствия надлежащего надзора за ними со стороны контролирующих лиц.

Согласно *Уголовному кодексу Республики Молдова 2002 г.*¹⁴ юридические лица признаются субъектами преступлений (ч. 3—5 ст. 21), и за совершенные деяния к ним может применяться наказание в виде штрафа, лишения права заниматься определенной деятельностью и ликвидации, вид, срок и размер которых конкретизирован в статьях Особенной части (ст. 63, ч. 4 ст. 64, ст. 73 и 74). К примеру, на основании ст. 246-1 УК любой акт недобросовестной конкуренции, совершенный юридическим лицом, влечет наложение штрафа с лишением права заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет.

Уголовно-процессуальные механизмы привлечения юридических лиц к ответственности установлены в ст. 520—523 гл. VI *Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова 2003 г.*¹⁵ В частности, УПК Молдовы определяет, что производство уголовного преследования и рассмотрения дел в отношении юридических лиц осуществляется в соответствии с обычной процедурой при участии законного представителя юридического лица. В целях обеспечения нормального хода уголовного преследования судья по уголовному преследованию или судебная инстанция наделены правом применения к юридическому лицу мер судебного контроля в виде обязанности внести залог, запрета на осуществление определенной деятельности, выдачу чеков или использование платежных карт. В связи с тем что УК Молдовы признает юридическое лицо субъектом преступления, на него распространяются альтернативные механизмы урегулирования уголовно-правовых конфликтов. Одним из таких механизмов является предусмотре-

ренное в УПК Молдовы (ст. 344-1) разрешение дела путем процедуры медиации или примирения сторон.

*Уголовный кодекс Грузии 1999 г.*¹⁶ акцентирует внимание на том, что в зависимости от санкции, установленной за совершение того или иного преступления, юридические лица подлежат наказанию в виде штрафа, лишения права заниматься определенной деятельностью, лишения имущества и ликвидации (ст. 107¹—107⁷ УК). В частности, за нарушение порядка участия в государственных закупках юридическое лицо наказывается лишением права заниматься деятельностью или ликвидацией и штрафом (примечание к ст. 195¹).

Как и УПК Молдовы, *Уголовно-процессуальный кодекс Грузии 2009 г.*¹⁷ определяет, что уголовно-процессуальные механизмы привлечения к уголовной ответственности юридических лиц применяются в общем порядке (ст. 325—328 гл. XXIX). В качестве изъятий из общего порядка уголовного судопроизводства УПК Грузии не допускает с момента начала уголовного процесса в отношении юридического лица и до вступления в законную силу обвинительного приговора суда или прекращения уголовного преследования производство ликвидационных процедур или процедур, связанных с реорганизацией юридического лица. Еще один императивный уголовно-процессуальный механизм выражен в виде обязанности опубликования вступившего в законную силу обвинительного приговора за счет средств осужденного юридического лица.

*Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 г.*¹⁸ в ст. 99-4.4 закрепляет один важный международный стандарт, так называемый принцип автономной ответственности, в силу которого прекращение уголовного преследования в отношении исполнителя преступления — физического лица не препятствует применению уголовно-правовых мер к юридическому лицу. По аналогии с нововведениями в УК Кыргызстана, однако в отличие от УК Эстонии, Грузии и Молдовы, в Азербайджане санкции для юридических лиц не являются наказательными, а расцениваются как иные меры уголовно-правового характера, применяемые за совершение строго очерченного в ст. 99-4.6 УК перечня деяний. Преступления, нарушающие конкурентные обычаи в промышленных и торговых делах, в этот перечень не входят.

В качестве итога отметим, что введение уголовно-процессуальных механизмов ответственности юридических лиц в постсоветских государствах ориентировано на новые векторы развития правоприменительной практики, отходящие от ставших традиционными для нашего законодателя причин-препятствий.

¹⁴ Registrul de Stat al Actelor Juridice al Republicii Moldova. URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/>.

¹⁵ Registrul de Stat al Actelor Juridice al Republicii Moldova. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2>.

¹⁶ Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=163>.

¹⁷ Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=76>.

¹⁸ URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353.

По нашему мнению, законодатель рассмотренных стран применил принцип «рикошета» (субъективного вменения с понятием «опасного состояния преступника»¹⁹) и, таким образом, уже отошел (в Азербайджане, Грузии, Молдове, Эстонии) от устоявшейся концепции персональной уголовной ответственности в отношении юридических лиц в сторону объективной ответственности либо в краткосрочной перспективе пойдет (в Кыргызстане) по пути применения к ним мер уголовно-правового воздействия.

В свою очередь, по результатам анализа уже имеющихся в постсоветских странах уголовно-правовых и уголовно-процессуальных механизмов воздействия на юридических лиц, совершивших уголовно преследуемые деяния, а также принимая во внимание аспекты исторической обусловленности, в вопросе введения института уголовной ответственности юридических лиц²⁰ можно анонсировать три

перспективные модели модернизации законодательства России: 1) признание в соответствующей норме УК РФ юридического лица субъектом преступления и, таким образом, распространение на него определенных в Общей и Особенной частях УК РФ мер наказательного характера; 2) исключение юридического лица из круга субъектов общественно опасных деяний, однако, предусмотрев регламентацию в Общей части УК РФ возможности распространения на такое лицо иных мер уголовно-правового воздействия; 3) расширение сферы уголовного преследования путем наделения органов предварительного расследования и суда в УПК РФ полномочиями в сфере применения уголовно-процессуальных санкций к юридическим лицам.

правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: сб. матер. Всероссийской науч.-практ. интернет-конференции (г. Москва, 24 октября 2016 г.). М., 2017. С. 194—205; Семькина О. И. Генезис уголовно-процессуального законодательства об ответственности юридических лиц в России // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 138—146; Лафитский В. И., Семькина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса “pro et contra” // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 5. С. 867—875.

¹⁹ См.: Гернет М. Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном университете Московского общества народных университетов. Херсонес, 1913. С. 163.

²⁰ См.: Семькина О. И. Историческая обусловленность института ответственности юридических лиц в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве // Основания ответственности юридических лиц: гражданско-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Vaimann T. Korruptsioonijuhumite järeldmõju juriidilistele isikutele. Tallinn, 2014. URL: http://www.korruptsioon.ee/sites/www.korruptsioon.ee/files/elfinder/dokumentid/korruptsioonijuhumite_jareldmoju_juriidilistele_isikutele_0.pdf.

Гернет М. Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном университете Московского общества народных университетов. Херсонес, 1913.

Князев А. Д., Сидоренко Э. Л. Юридическое лицо как субъект преступления в международных стратегиях борьбы с преступностью // Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: сб. матер. Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (г. Москва, 24 октября 2016 г.). М., 2017.

Лафитский В. И., Семькина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса “pro et contra” // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 5.

Ответственность юридических лиц за коррупцию в странах Восточной Европы и Центральной Азии: Отчет ОЭСР, 2015. URL: <http://www.oecd.org/corruption/acn/ACN-Liability-of-Legal-Persons-2015-RUS.pdf>.

Семькина О. И. Генезис уголовно-процессуального законодательства об ответственности юридических лиц в России // Журнал российского права. 2016. № 1.

Семькина О. И. Историческая обусловленность института ответственности юридических лиц в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве // Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: сб. матер. Всероссийской науч.-практ. интернет-конференции (г. Москва, 24 октября 2016 г.). М., 2017.

Сидоренко Э. Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3.

Федоров А. В. Влияние международного правосудия на развитие права: значение Нюрнбергского процесса для формирования международно-правового института уголовной ответственности юридических лиц // Российский следователь. 2017. № 4.

Федоров А. В. Основные положения международных договоров об уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3.